Вырезка из газеты

МАГАДАНСКАЯ
ПРАВДА

г. Магадан

23 ФЕВ 1980

СУДЬБЕ было угодно, что бы поэт-фронтовик Борис Некрасов родился 23 февраля; в день Советской Армии, как будто она знала наперед, что суждено ему в рядах этой армии драться с гитлеровскими захватчиками с первого и до последнего дня Великой Отечественной и многие годы после того носить в себе, в сангитре от сердца, зарубренный кусочек крупянской стали, бог весть почему оставленный там госпитальными хирургами...

Его память вобрала в себя многое из того, чем жил солдат на войне: сладость свежего хлеба и горечь утрат, железную крепость фронтового братства и щемящую тоску по дому, обостренное ощущение смертельной опасности и хмельную радость победы...

Потому и берут за душу его стихи, по-солдатски строгие.

Я снова ухожу в блокадный год:

Взамен обеда, снова
под обстрелом,
Одну сигарку курит целый взвод,
Который, правда, вовсе
не был целым...

Писать о войне трудно, каждая строка дается великой мукой:

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Не пуля, не осколок,
не ожог —
Есть боль сильнее у памяти
солдатской...

А не писать о пережитом Борис Некрасов не мог. Тем более, что не забыть, какими невероятными усилиями, ценой каких потерь далась победа.

Артподготовки помню
грозный гул,
Перед атакой перекур
за Вислой.

Дружку я свой окурок
протянул.

Но в пустоте рука моя
повисла, —

Лицом в снегу лежал уже
дружок,

Снег под его виском
дымился ало...

Эта неизбывная потребность «все помнить» и вызвала к жизни стихи о воинской стойкости и доблести.

Впрочем, и в стихах о мирной жизни он утверждал романтику держания и подвига, наделяя их высокой духовностью, общественной значимостью. Писать иначе ему не позволяла совесть солдата.

Причастный ко всему, что делалось вокруг, Борис Некрасов жил тем же, чем жила вся страна, не оберегал себя от тревог и потрясений.

Как всякий художник, он стремился к ярким жизненным впечатлениям, без которых немислимо творчество, и старался использовать любую возможность для новой поездки по стране и за ее пределы. Некрасовский взгляд на «суету» чужой жизни ни в коей мере не похож на беглый поиск заморской экзотики — это взгляд человека коммунистического мироощущения, страстного борца за мир и людское счастье.

Живя в Магадане, Борис Некрасов тосковал по родному Ленинграду, когда же вернулся туда, нахлынула тоска по Северу: «Вторым мне домом стал тот край земли».

И до последнего часа соседствовали и спорили в душе поэта две любви: к Ленинграду, где он родился и вырос, и к суровой колымской земле, с которой сроднился за многие годы жизни на Севере.

Борис Некрасов знал себе цену и никогда не позволял ее занижать. Поэт, прозаик, критик, драматург и журналист, он умел делать многое весьма добротнo и при этом держался без какого-либо превосходства.

Его любили за доброту и откровенность. У него было много друзей, потому что он одинаково легко сходиллся со своими сверстниками и с ровесниками своих детей. С первыми его роднила общность судьбы, вторых он умел понимать, проявляя при этом завидную терпеливость мудреца.

Его оптимизм не знал предела, и в самую трудную пору жизни Борис Некрасов не терял присутствия духа. Уже будучи больным, он писал: «Работаю. Более того, поставил личный рекорд: в пяти изданиях редакторы и рецензенты бьются над моими рукописями».

Сегодня ему было бы шестьдесят. Боец, патриот, коммунист — таким он останется в нашей памяти.

С. ЛИВНИЦ.